

Российская цивилизация. КАЗАЧЕСТВО: ЕДИНСТВО ИЛИ МНОГООБРАЗИЕ? (Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ)

Автор: С. М. МАРКЕДОНОВ

Еще в 1920-е гг. известный исследователь истории казаков С. Сватиков призывал своих коллег отказаться от односторонних идеологизированных подходов в изучении качества¹. "Часть казачьей молодежи, увлеченная идеей былого независимого и полунезависимого существования республиканских колоний Дона, Яика и Терека, - писал он, - готова не только вступить на путь проповеди самостийности для этих бывших республик, отрыва их от России во имя исторических воспоминаний, но и распространить это благо на все вообще казачьи войска. С другой стороны, часть старшего поколения, воспитанного на идее служилого казачества, связанная своими интересами не с русским народом и даже не с казачеством, а с низвергнутой династией и старым порядком, отрекается от былой вольности казачьих войск" [Сватиков, 1927, с. 6].

Мысль Сватикова остается актуальной в наши дни. "Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет", - призывал в свое время Р. Декарт. Увы, историографии истории казачества не свойственен терминологический консенсус. По этой теме написаны тома, но до сих пор ученые практически не обращались к вопросу о том, *насколько справедливо* объединение представлений о различных группах казаков в рамках такой социально-исторической конструкции, как "казачество"? Да и сами понятия "казачество", "казак" не стали предметом масштабных теоретико-методологических дискуссий (в отличие от таких дефиниций, как "крестьянство", "пролетариат", "буржуазия", "этнос", "нация"). Вряд ли серьезного специалиста удовлетворит та расшифровка понятия "казак", которую переводчики называют "калькой" (то есть буквальным переводом) - "свободный, вольный человек". Между тем исследователи казачества сплошь и рядом принимают это значение термина как некую данность, своеобразную историческую аксиому, не требующую развернутых доказательств. Подобный подход характерен не только для отечественной, но и для зарубежной историографии истории казачества [Сватиков, 1927].

Дискуссии вокруг дефиниции "казачество", на мой взгляд, не могут быть ограничены проблемой его происхождения или вопросом "этнос это или сословие"? Поиск

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров (грант N 04 - 81350 - 000-gss).

¹ "...Термин *qazaq/казак* (свободный человек) имеет татарские корни. Но очень скоро в этих сообществах стали преобладать православные восточнославянские крестьяне и горожане..." [Каппелер, 2003, с. 51]. Схожие определения понятия "казак" встречаем в работах Г. Штекля и К. Герке [Stokl, 1953; Goehrke, 1980].

Маркедонов Сергей Мирославович - кандидат исторических наук, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа.

адекватных смыслов понятий "казак и казачество нельзя свести и к специальным этимологическим штудиям. Высказываясь на эту тему, ученые обычно говорят о группах населения, имевших самый разный социальный статус: о донских казаках эпохи позднего Средневековья ("вольных людях"), об уссурийском и забайкальском казачестве рубежа XVIII-XIX вв. (которое с трудом можно идентифицировать как "вольное" или "скитальческое"), о запорожском "лыцарстве" и украинских реестровых казаках, о казаках Московской Руси, относящихся к категории "служилых по прибору", и "воровских казаках" Ивашки Заруцкого, о казаках атамана П. Краснова и командарма Ф. Миронова, о "советских казаках" и участниках коллаборационистских частей и соединений. Казаками могли себя называть и цесаревичи - наследники российского престола (с 1827 г. они, сменяя друг друга, становились атаманами казачьих войск Российской империи) и казаки-некрасовцы, исполнявшие "Заветы" атамана И. Некрасова "царю не покоряться, до царя в Рассею не возвращаться". По справедливому замечанию американского исследователя Б. Боука, "разговор о "казаках" означает очень часто упражнение в ошибочной идентификации. Подобно "крестоносцам", "ковбоям" и "спартанцам", "казаки" стали сообществом, признанным на международном уровне. Их прошлое представляет собой резервуар, в который националисты, ученые, стратеги, создатели символов и разработчики видеоигр в течение многих веков вкладывают различное содержание. От Канады до Кавказа можно встретить людей, которые ведут свое происхождение от "казаков"... Старовер в Орегоне, профессор в Киеве, самопровозглашенный казачий генерал в Краснодаре имеют веские основания для их личной связи с казачьей историей, но каждый приносит в дискуссию различный набор мемуаров, текстов и традиций" [Воеск, 2003, р. 735]. Отсюда и невозможность единой интерпретации истории различных сообществ, объединенных общим словом "казаки", "казачество".

И в наши дни исследователи, отстаивающие подчас диаметрально противоположные научные позиции, едины в своем стремлении представить казачество неким монолитом, вывести некие общие "законы" его развития. Между тем очевидно, что без достижения терминологического консенсуса, а также без проведения серьезной работы по типологизации (классификации) казачества невозможно преодолеть смешение понятий и выйти за рамки традиционных дискуссий казачеведения 1980 - 1990-х гг. Является ли казачество этносом или субэтносом русского народа? Можно ли говорить об автохтонном происхождении казаков? Имел ли место геноцид казачества в годы гражданской войны? Справедливо ли видеть в казаках рыцарей православия и авангард российской государственности?

Комплексный подход к проблеме

История казачества - одна из приоритетных исследовательских проблем отечественной историографии. Однако комплексно ее практически не изучали, ограничиваясь либо узкими хронологическими и географическими рамками, либо рассмотрением казачьей тематики в общероссийском контексте или в рамках международной ситуации в Северном Причерноморье и Дальнем Востоке в отдельные периоды. И как результат - односторонность подходов и отсутствие консенсуса по базовым терминам и понятиям. На мой взгляд, данный историографический эффект может быть сравним с просмотром кинокартины вразброс, отдельными частями. Каждый кинокритик разбирает одну часть, не будучи знаком с остальными. И главное, что обмен мнениями между ними носит спорадический характер: отсюда и не вполне удовлетворительные генерализации. Одни смотрят на казачество как на силу, которая для России "иногда была опаснее самих кочевых орд", другие - как на "людей царелюбивых и мужественных" [Соловьев, 1959, с. 61 - 62; Пудавов, 1890, с. 5].

По истории отдельных сюжетов казачьей истории написано немало объективных, неангажированных исследований, которые отличают высокий теоретико-методологический уровень и прекрасное знание источников. Однако узкохронологический

(равно как и узкогеографический) подход к изучению вопроса не позволил исследователям ответить на многие вопросы, ими поднятые. В своем фундаментальном труде А. Станиславский оценивает события начала XVII в. как полномасштабную гражданскую войну, в которой главными действующими лицами были казаки и дворяне. Программой-максимум казачества он называет уничтожение российского дворянства. Ученый полагает, что казаки стремились заставить государство считать их привилегированным служилым сословием. И действительно, значительная часть вольных казаков к 1619 г. перешла в разряд различных категорий служилых людей Московского государства [Станиславский, 1990, с. 45, 91]. Но ведь не все вольное казачество выбрало государеву службу. Закономерен вопрос: почему в минуты своего наивысшего успеха (историк считал таковым избрание на трон Михаила Романова) казачество не перешло поголовно в разряд московской элиты и не стало для новой династии новым вариантом "опричнины"? Почему немалая часть казаков вернулась "казаковать в Поле", на российские окраины, а впоследствии казачьи атаманы до 1671 г. не единожды отказывались от "крестного целованья" московским государям? Ответить на данные вопросы, ограничиваясь исключительно анализом Смутного времени, каким бы блестящим он ни был, не представляется возможным.

Схожие проблемы возникают и при чтении трудов зарубежных исследователей. Так, Э. Хобсбаум охарактеризовал казаков как "социальных бандитов" эпохи позднего Средневековья. "Они крестьянские изгои, которых землевладелец и государство рассматривают как преступников, но которые остаются в рамках крестьянского общества и воспринимаются его членами как герои, - писал историк. - Как защитники, мстители, борцы за справедливость, вероятно даже лидеры освобождения, и в любом случае как люди, которыми надо восхищаться, помогать и поддерживать..." [Hob-sbawm, 1981, p. 17, 18; 1974]. Без ответа остаются вопросы: как стала возможна эволюция "социальных бандитов" в слуг Российской империи при Петре Великом? Какие внутренние предпосылки облегчали эту эволюцию? Ведь процесс такого превращения не был одноактным. И, возможно, выйдя Хобсбаум за границы позднесредневековой эпохи, его выводы были бы не столь однозначны.

Современные российские исследователи изучают прошлое казаков в условиях процесса "возрождения казачества". Российское государство, получив в конце 1980 - начале 1990-х гг. вызов со стороны политически разнородных и идеологически разнонаправленных казачьих объединений, сумело найти действенный ответ, инициировав создание лояльного государству реестрового казачества. Организация казачьей государственной службы, ее возрождение в новых социально-экономических, политических, социокультурных условиях естественным образом потребовали исторической легитимации, обоснования тезиса о казачестве как защитнике Отечества с момента появления на Дону первых казачьих общин. Подготовленный в 1997 г. рабочий проект концепции политики по возрождению казачества гласил: "В ходе формирования России как мощного и независимого государства исторически складывалось казачество - особая социальная группа (сословие), *постоянно* (курсив мой. - С. М.) выполняющая функции защиты и укрепления государства, обеспечения его безопасности. Отличительной особенностью российского казачества являлось то, что оно было неотъемлемой частью государственной системы России, образуя один из ее компонентов" [Концепция... 1997].

"Казачество без государственной службы немыслимо" - тезис, ставший лейтмотивом Совещания руководителей субъектов РФ, на территориях которых проживают казаки, (26 октября 1995 г.) и многих других представительных собраний российской политической элиты [Материалы... 1995]. В современных условиях невозможно говорить о прямом влиянии государственных установок на историческую науку. Но заметно косвенное воздействие на взгляды историков концепций возрождения казачества, проявляющееся в спрямлении острых углов казачьей истории, а также в стремлении рассматривать казачество как некий монолит, существовавший на протяжении многих веков без серьезных качественных изменений. Отсюда обобщающие выводы о па-

триотизме и верности государству (русской идее) как о чертах, имманентно присущих казакам [Аверьянов, Воронов, 1992; Матвеев, 1995; Трут, 1999].

Обоснованность концепций казачьего возрождения и справедливость высказываний современных историков подтверждает оценка роли казачества, данная одним из последних атаманов Всевеликого войска Донского Красновым: "Кзаки прошли на Кубань и Терек, перевалили с Ермаком Уральские горы и дошли до Амура и Великого океана", получили высочайше пожалованные знамена за усмирении "Астраханского возмущения" 1705 г., восстания 1849 г. в Венгрии, императорскую грамоту за заслуги в "подавлении беспорядков" 1905 г., не раз доказав свою верность Российскому государству [Краснов, 1992, с. 195]. Но верен и тот факт, что казаки были инициаторами выступлений, потрясавших основы российской государственности, ставившие ее на грань выживания, - Смуты, восстаний Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева. Недоверие императорской власти к казакам отмечали многочисленные иностранные путешественники XVIII-XIX вв.

В рапорте военной коллегии, поданном военным инженером Деволаном в 1797 г., отмечалось, что крепость св. Димитрия Ростовского предназначена, в частности, *"для наблюдения за донскими казаками"* (курсив мой. - С. М.) [Военная... 1912, с. 133]. В 1812 г. комиссар Британии при штабе М. Кутузова Р. Вильсон сообщал Александру I о надеждах французов на восстание казаков [Тарле, 1992, с. 222]. Подобного рода надежды питали и русские революционеры-радикалы от А. Герцена и М. Бакунина до Г. Плеханова (народнического периода) и ранних социал-демократов [Маркедонов, 1999, с. 93 - 97]. Активные защитники имперского здания - казаки в феврале 1917 г. ничего не сделали для его сохранения. "Помню, как поразила нас, окопных жителей, та легкость, с которой рухнул монархический строй. Мы тогда ясно поняли, что он изжил себя. Подгнили корни, и упало могучее дерево", - писал один из лучших казачьих офицеров императорской армии, герой Первой мировой войны, впоследствии организатор антибольшевистских восстаний на Дону и командующий корпусом Вооруженных сил Юга России Т. Стариков [ГА РФ, д. 7, л. 1]. Другой, не менее верный слуга империи И. Быкадоров, ставший в возрасте 35 лет полковником русской армии, георгиевским кавалером, награжденный золотым оружием, оказавшись по окончании гражданской войны в эмиграции, пошел в своих рассуждениях еще дальше: "Никакая власть российская (центральная) не сможет быть благой для казачества, какая бы она ни была: монархическая, кадетская (Миллюковская), эсеровская (Керенского или Чернова) или евразийская" [Казачество... 1992, с. 103].

В годы Второй мировой войны некоторые деятели казачьей эмиграции высказывались еще более радикально. Один из вождей Казачьего национально-освободительного движения (КНОД) В. Глазков обращался к соратникам со следующим призывом: "Мы, казаки, приветствуем каждую бомбу и каждую гранату, которые летят на головы московских тиранов!.. Слава Богу, Москва горит! Хайль Гитлер! Слава казачеству!" [Казачий... 1941^a, с. 2 - 4]. Не менее выразителен и другой пассаж представителя того же движения: "Мы идем с той современной Германией, национально-социалистические начала которой так близки социальным началам нашей казачьей жизни" [Казачий... 1941^b, с. 5].

В этой связи актуальным становится вопрос: реально ли при столь разноречивых оценках и суждениях дать некую емкую, краткую и обобщенную характеристику феномена казачества? В поисках амбивалентного определения казаков называют бунтарями и воинами [Лесин, 1997]. Но при этом остается непонятно, как возможны подобные метаморфозы (путь из бунтарей в воины и обратно), вызваны они политической конъюнктурой или имеют мощный исторический фундамент? Как казакам на протяжении почти четырех столетий удавалось одновременно сохранять репутацию и стражей империи, и свободолюбцев, готовых в любую минуту к ниспровержению царского трона? По каким причинам вчерашние бунтари, отказывавшиеся под угрозой царской опалы и блокады Дона "целовать крест" российским государям, о которых, по их словам, в Москве было "некому тужить", превратились в опору Российской империи и

почему Дон "стих"? Как случилось, что казаки, активно (и в разных формах) сопротивлявшиеся установлению советской власти и большевикам, были в середине 1930-х гг. востребованы строителями "нового мира", а в конце 1980-х гг. стали их идеологическими наследниками?

Не вполне удовлетворительной следует признать и попытку вывести общую формулу казачества как сообщества "крестьян и воинов", предпринятую британским ученым Ш. О'Рурком [O'Rourke, 2000]. Во-первых, казаки не всегда были земледельцами. Более того, занятие земледелием рассматривалось в XVI-XVII вв. как покушение на казачью вольность. В 1689 г. донской казачий атаман Ф. Минаев свидетельствовал, что "беглые люди приходят к ним на Дон и на Хопер и на Медведицу (пунктуация сохранена. - С. М.) непрестанно... и завели было всякую пашню и они (казаки. - С. М.), увидав это в нынешнем году... приняли по всем городкам войсковой свой приговор, чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, то бить до смерти и грабить, и кто за такое ослушание кого убьет и ограбит, и на того суда не давать и кто хочет пахать, и те б шли в прежние свои места" (цит. по [O'Rourke, 2000]). Во-вторых, перейдя к земледелию в XVIII в., казаки, бесспорно являясь аграрным населением, никогда не идентифицировали себя с крестьянством и даже, напротив, крайне неприязненно относились к "мужикам", то есть крестьянскому неказачьему населению казачьих территорий, равно как к крестьянству (податному сословию) вообще².

Казачество: единый феномен или совокупность групп?

Отсюда вопрос: насколько правомерно говорить о казачестве как едином социальном и политическом феномене, не пытаясь провести типологизацию (классификацию) различных групп казаков? На мой взгляд, ответ было бы целесообразно начать с определения того, что понимается под словом "казак", то есть определиться с главным субъектом казачьей истории.

Буквальный перевод слова "казак", как уже указывалось, вряд ли может считаться удовлетворительным. Понятие "вольный человек" (скиталец) характеризует лишь казачество Дона, Волги, Яика, Терека, Днепра в период позднего Средневековья. Скорее, за основу может быть взято определение, данное В. Далем. Приведа версию этимологии слова "казак" ("вероятно от среднеазиатс[кого] казмак, скитаться, бродить, как гайдук, гайдамак от гайда, ускок от ускочить, бежать, бродяга от бродить и пр."), великий "собиратель слов" пытался, что называется, "расцветить" это понятие. Казак, согласно Далю, это "войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении. Есть и пешие казаки, в числе которых более известны черноморские пластуны... Малороссийские казаки те же крестьяне и ставят рекрут на своих правах. По занимаемым землям, единству управления, казаки каждого именованья образуют отдельное войско под началом атамана: Донское казачье войско, Уральское, Оренбургское, Терское, Кубанское и пр." [Даль, 1989, с. 72 - 73].

Это определение, сконструированное в определенных исторических условиях, должно дополняться и усложняться. Даль не мог знать о будущих государственных казачьих образованиях и массовой эмиграции "степных рыцарей", о жизни казаков вне войсковых структур, равно как и о "возрождении" казачества в условиях рыночной экономики и формирующегося демократического общества. Тем не менее он осознавал, что понятие "казак" - многоплановое, многосоставное и полифункциональное. Это и "вольный человек" (скиталец), маргинал по отношению к государству (вообще социуму), выходцем из которого он является. Это и представитель определенного сословия, имеющего набор прав, привилегий и обязанностей. Это воин, несущий опреде-

² О бинарной оппозиции "казак-крестьянин", сложившейся в массовом сознании казаков, подробнее см. [Харузин, 1885].

ленную службу (легкий конник или пластун). Казак также - "войсковой обыватель", то есть представитель особой, отличной от других частей государства административно-территориальной единицы - войсковой области (а не губернии). Принадлежность к казачеству предполагает и особое самосознание, и самоидентификацию. Иначе откуда у "тех же крестьян" Малороссии, переставших в конце XVIII в. быть казаками, стремление идентифицировать себя с казачеством?

Очевидно, что само понятие "казак", ключевое для казаковедения, предполагает *несколько определений в рамках одного*. Отсюда, на мой взгляд, следует необходимость **типологизации** казачьих сообществ при жестком отказе от установившихся в последнее десятилетие клише и искусственных оппозиций "этнос (субэтнос) - сословие", равно как и от эмоционально окрашенных оценок и генерализирующих обобщений, доставшихся "по наследству" современной историографии. Попытки типологизации (классификации) казачества предпринимались ранее, но, как правило, они ограничивались дореволюционным периодом либо периодом петровских преобразований [Аверьянов, Воронов, 1992].

Казаки - субэтнос русского народа? Но кем в таком случае являются украинские казаки (запорожские и реестровые), донские казаки-калмыки и забайкальские казаки-буряты? Очевидно, что этнические процессы в казачьих сообществах невозможно свести к этноассимиляционным [Маркедонов, 1997, с. 186 - 189; Черницын, 1999]. Спору нет, значительная часть представителей тюркских, монгольских и в гораздо меньшей степени европейских этносов, вставших в казачьи ряды, утратила со временем свою идентичность. Но в Войске Донском существовали этнически отличные от основного массива группы "донских татар" (по происхождению главным образом из ногайцев) и донских калмыков (их число по данным переписи населения 1897 г. составляло 27,2 тыс. человек) [Первая... 1905].

Можно ли считать кубанских казаков сообществом, единым в этническом отношении? Обзор Кубанской области за 1911 г. дает однозначный ответ: "С 1860 г. черноморцы и линейцы соединены в одно войско, но несмотря на то, что с этого времени прошло 50 лет, до сих пор в жизненном войсковом обиходе сохранилось подразделение на черноморцев и линейцев с добавлением еще и закубанцев" [Обзор... 1911, с. 73]. На мой взгляд, современным исследователям для доказательства тезиса об особой казачьей этничности (субэтничности) полезнее не оперировать теоретическими построениями Ю. Бромлея (и тем паче Л. Гумилева, чьи исследования, по его собственным словам, не являются историческими и носят естественно-научный характер), а идти в своих доказательствах от источника (и эмпирического материала вообще). Ведь Бромлей (директор Института этнографии АН СССР, единственный официально признанный в первой половине 1980-х гг. этнолог-теоретик) не занимался этническими проблемами казачества как самостоятельной проблемой [Бромлей, 1981; 1983].

Думается, что одного тезиса Бромлея о том, что субэтносом может стать "социальная общность, обладающая специфическими чертами культуры (например, донские казаки)" явно недостаточно для определения казаков как субэтнуса русского народа [Бромлей, 1981, с. 48]. Или требуются существенные уточнения типа "славяно-русская часть донского казачества - субэтнос русского народа" или "великорусская группа Кубанского войска - субэтнос русского народа". В любом случае распространять представление о субэтничности на представителей всего донского или кубанского казачества не представляется возможным. На мой взгляд, обоснованнее вывод Боука о том, что "единственно верным заключением о казачьей идентичности может быть признание ее сложного, неоднозначного характера". В особенности это относится к раннеказачьей истории, источниковая база которой довольно скудна и противоречива. "Пока документы из Османских архивов не будут привлечены к рассмотрению этого вопроса (происхождение казаков, их ранняя история. - С. М.), нельзя делать преждевременные выводы", - справедливо считает американский историк [Боук, 2001, с. 152, 154]. Тем паче непродуктивно делать вывод об этнической идентичности казаков всех 11 казачьих войск Российской империи.

Казаки - рыцари православия. Но в таком случае закономерен вопрос: "Какого направления православия?". Среди уральских казаков значительный процент составляли старообрядцы. По данным М. Хорошхина, в 1880 г. среди уральских казаков было 49 тыс. староверов, или 40% от их общего числа [Хорошхин, 1881, с. 512]. На 1 января 1901 г. количество "раскольников" на Урале составляло 63,3 тыс. человек, а их удельный вес среди казаков - 50%. На Тереке удельный вес сторонников "старой веры" был равен 15,6%, а на Дону 10,1%. В Оренбургском же войске в 1915 г. числилось 25,7 тыс. человек старообрядцев и сектантов [Футорянский, 1997, с. 54 - 55].

Размышляя о причинах укоренения раскола на казачьем Урале, В. Витевский делал вывод о том, что "раскол между уральцами (исключая женщин) не есть дело фанатизма, но, скорее всего, лозунг для соединения поборников казачества, т.е. казачьих привилегий и вольностей... оплот, ограждавший казаков от Москвы, от нововведений... коренной источник, основа и крепость уральского раскола заключаются в общественном строе, в изолированном положении Уральского войска, в его усилении... поддержать прежнее устройство самобытной и вольной общины" [Витевский, 1878, с. 386]. Отсюда и перманентные поиски казаками-уральцами обетованной земли, в которой сохранена в неприкосновенности "старая вера" (Беловодского царства) [Хохлов, 1903]. "Укорененность" старой веры в рядах терских казаков была настолько сильна, что заставила наместника Кавказа М. Воронцова ходатайствовать перед императором Николаем I о послаблениях для казаков-старообрядцев. В условиях Кавказской войны имперская власть была готова к серьезным компромиссам, желая обеспечить себе крепкий тыл. В 1850 г. последовало распоряжение из Санкт-Петербурга именовать "раскольниками" только сектантов (духоборов, иудействующих), а остальных называть староверами и не преследовать. Опасения по поводу лояльности казаков и уступки Петербурга были вполне обоснованными. Согласно разным источникам, казаки, исповедовавшие "старую веру", переходили к Шамилю и находили у него покровительство [Великая, 2001, с. 142 - 144].

В образ "рыцаря православия" не вписывается и такой известный общественный деятель Дона, как Б. Уланов (депутат Всероссийского Учредительного собрания, один из авторов "казачьей Конституции" - Основных законов Всевеликого Войска Донского 1918 г.). В одном из своих выступлений в период гражданской войны он заявил: "Я - сын маленького народа, но мой народ гордится своим братством с казаками. И я, калмык, идущий за Буддой, не хочу верить, чтобы казаки братья не столковались, не поняли друг друга" (цит. по [Севский, 1918]). Если же говорить об "Игнат-казаках" (некрасовцах), то, сохраняя приверженность "старой вере", они выступали проводниками политики Крымского ханства и Османской империи. По словам П. Короленко, "крымские ханы со своей стороны уважали некрасовцев, любили и доверяли им более чем своим татарам, за которыми казаки даже присматривали на Кубани..." (цит. по [Сень, 2001, с. 123]).

Казачество многими поколениями исследователей рассматривается как уникальное российское явление. Но казачьи общины почти одновременно формировались и за пределами России (Московского государства) на Украине, входившей на тот момент в состав Речи Посполитой. Казачьи сообщества существовали в пределах Крымского ханства и Османской империи: кубанские казаки "донецкого периода", некрасовцы, Алешковская Сечь (Олешивська Оч), задунайские казаки. Они получали поддержку и покровительство со стороны ханов Крыма и султанов Оттоманской порты. В 1851 г. на территории Порты известным польским писателем, революционером и политическим авантюристом М. Чайковским (Садык-пашой) было полулегально создано "Оттоманское казачье войско", признанное два года спустя султаном и поддержанное Францией и Британией во время Крымской (Восточной) войны против России. Части этого "Оттоманского войска" вели боевые действия против русской армии на Дунае [Пригарин, 2002, с. 117 - 122]. Следовательно, признавая казачество ярким феноменом истории нашего Отечества, мы не можем говорить исключительно о российском казачестве.

Более того, казачьи военные формирования, служившие на стороне Порты и Крыма, неоднократно сталкивались на полях сражений русско-турецких войн XVIII-XIX вв. с

казаками, служившими России. По словам исследователя истории некрасовских казаков Д. Сень, "как правило, некрасовцы служили в коннице, быть может, отдельным казачьим отрядом. Неоднократно использовались их знания о землях Подонья, в том числе бродах, тайных тропах и т.п. Казаки как носители языка нередко обманывали местных жителей с целью, например, поимки "языков" и сбора необходимых крымцам сведений. Некрасовцев, попавших в плен, донские казаки обычно убивали, причем с помощью старых войсковых способов казни, например, за ноги на особого рода "якоре"" [Сень, 2002, с. 86]. Противоборство различных казачьих сообществ друг с другом - тема отдельной статьи. Меня она интересует лишь с точки зрения развенчания *мифа о "казачьем братстве"*. Здесь замечу лишь, что такие конфликты не были чем-то исключительным и из ряда вон выходящим. В XVII в. донские и запорожские казаки, несмотря на общность интересов в Северном Причерноморье, имели зачастую противоположные взгляды на перспективы союза с Крымским ханством (донцы такую возможность отрицали). Отсюда и серьезный конфликт между донцами и запорожцами в ходе антипольского выступления 1648 - 1654 гг. под руководством Б. Хмельницкого. В то время, когда первые продолжали морские и сухопутные походы против Крыма, вторые были заинтересованы в военном союзе с крымскими татарами против Речи Посполитой [Королев, 2002, с. 521 - 529].

После инкорпорирования обоих казачьих войск в состав Российской империи споры и конфликты между донцами и запорожцами не прекратились, а перешли в иное качество. Несколько десятилетий тянулся спор из-за земель в Северном Приазовье. В сентябре 1743 г. запорожцы жаловались в Сенат, что "от Донского войска чинятся им, запорожским казакам не малые обиды (орфография сохранена. - *СМ.*), и буде из Кальмиуса и Миуса реки и из прочих мест оные донские казаки [с] рыболовных мест... их отгоняют и тем весьма теснят". В ответ донцы предъявляли свои жалобы о "...не малых обидах, разореньях и грабительствах... от запорожских казаков..." [Акты... 1891, с. 297]. Земельные споры не прекратило и проведенное Петербургом в 1746 г. размежевание. Проблема была разрешена лишь с ликвидацией в 1775 г. Запорожской Сечи, включением ее территории в состав Новороссийской губернии и передачей спорных приазовских земель Донскому войску [Пронштейн, 1961, с. 26 - 28].

Во время Русско-турецкой войны 1787 - 1791 гг. между собой сталкивались бывшие запорожские "лыцари" - российские черноморские казаки (переселенные на Тамань представители "коша верных казаков Запорожских") и находившиеся под покровительством и защитой Османской империи "задунайские" запорожцы. В начале XIX в. казаки Задунайской Сечи вступили в конфронтацию с казаками-некрасовцами, также находившимися под покровительством турецкого султана. По мнению Сень, эта конфронтация объяснялась экономическими причинами (стремлением задунайских запорожцев захватить удобные для проживания места) [Сень, 2002, с. 122 - 124]. С точки зрения других авторов, основой конфликта между двумя казачьими сообществами Османской империи были религиозные различия (некрасовцы являлись старообрядцами, а запорожцы Задунайской Сечи - православными никонианами) [Смирнов, 1986, с. 101; Волкова, Заседателева, 1986, с. 49].

В противоборство между собой и даже в военную конфронтацию втягивались казачьи сообщества как различных государств (Российской и Османской империи, Крымского ханства), так и принадлежащих к одному государству. Несхожие экономические, геополитические, конфессиональные интересы в реальности никак не содействовали формированию "казачьего братства".

В обобщениях типа "казачество немыслимо без государственной службы", "казак - защитник Отечества" всегда имеется в виду только одно государство - Россия. Но какое отечество защищали казаки-некрасовцы, запорожские казаки до Переяславской Рады, казаки под командованием Краснова и Г. фон Панвица в годы Второй мировой войны? Антитезы "имперская модель была устойчиво впечатана в их (казаков. - *С. М.*) культурный код" и "казак - разбойник и главный смутьян" можно избежать, если бо-

лее четко уяснить, о какой из групп казаков идет речь, то есть проделать аналитический путь от общего к частному.

В источниках конца XV - начала XVI в. упоминания о казаках встречаются и на севере, и на юге, и на западе Московского государства. Среди них выделяются "служилые", которые нанимались выполнять "различные службы государству", "знатным людям" и даже патриарху (конец XVI в.), и вольные, "казаковавшие в поле" без государева соизволения (а иногда и вопреки оному). На Украине мы видим свои аналоги "вольных" и служилых казаков - запорожское "лыцарство" и реестровые казаки. По мнению крупных историков, граница между служилыми и вольными казаками легко преодолевалась [Платонов, 1899; Скрынников, 1988; Станиславский, 1990]. Но "вольное казачество" в отличие от служилого не было инкорпорировано государством. Войско Донское обладало демократическим внутренним устройством, проводило самостоятельную внешнюю политику, а московские государи строили контакты с донцами как с иностранной державой, через Посольский приказ. Донские казаки не были обязаны службой государству, до 1671 г. не приносили присяги, не несли тягла. Во время военных действий в составе московских ратей казаки не считали себя связанными какой-либо субординацией [Маркедонов, 1998, с. 195].

Именно казачьи вольности были причиной того, что даже при весьма благоприятных для казаков условиях на последнем этапе Смуты (после избрания царем Михаила Романова) лишь часть их перешла в разряд служилых московских людей. Аналогичная ситуация наблюдалась и на Украине, где не занесенные в реестр запорожцы находились вне сферы власти Польско-Литовского государства (имели, по словам короля Сигизмунда III, свое *Rzech Pospolito*) [Рознер, 1970]. Следовательно, говорить о вольном казачестве Дона и Запорожья в позднесредневековый период как о служилом сословии Московского государства или Речи Посполитой проблематично. И донцы, и украинские нереестровые казаки находились вне социальных организмов этих государств. Процесс превращения вольного казачества в служилое сословие, "скитальца" в "войскового обывателя" связан с политикой Петра Великого.

Казачество как государственное сословие и гражданское сообщество

История старого служилого, равно как и вольного казачества заканчивается в эпоху петровских реформ. Служилые казаки за исключением ряда регионов были превращены в крестьян, обложенных подушным окладом. "Вольные" - подчинены Военной коллегии, превратились из "степных рыцарей" в служилое казачество. Таким образом, в рамках конструкции "служилое казачество" можно выделить старослужилых казаков Московской Руси и новых служилых казаков, появившихся в результате подчинения "вольных войск" и создания государством новых казачьих образований, ставших до смуты 1917 г. особым сословием Российской империи, обладавшим целым рядом серьезных привилегий. Казаков освободили от государственных податей и повинностей. Тем самым утрата демократических прав и автономии была компенсирована существенными социально-экономическими привилегиями. Преобладавшая в период позднего Средневековья "политика кнута" сменилась "политикой пряника". Закон 1793 г. значительно повысил ранг донского казачества в Российской империи. Г. Потемкин писал, что те из крестьян, которые зачислены в казаки, "счастливы в новом звании своем, не будучи более подвержены перемене помещиков" (цит. по [Пронштейн, 1961, с. 113]). Привилегированное положение казаков стало предметом зависти и мечтаний для российского крестьянства. Так, в манифесте от 31 июля 1774 г. Емельян Пугачев жаловал всех участников своего выступления "вечно казаками" [Пугачевщина, 1929, с. 40 - 41].

Начиная с первой четверти XVIII в. государство получило монополию на создание (и ликвидацию) казачьих войск. Они перестали формироваться естественным путем как "вольные общины", имевшие автономное внутреннее устройство. Этим отличались ранее Донское, Терское, Уральское казачьи войска, а также частично Кубанское, одним

из исторических "компонентов" которого было Черноморское казачество (переселенные в 1788 г. на Тамань "верные" запорожские казаки, потомки "вольного" Запорожского низового войска). Остальные семь войск Российской империи, сохранившиеся к февралю 1917 г. (Амурское, Астраханское, Забайкальское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уссурийское), были созданы по инициативе Российского государства.

По его же инициативе создавались, а затем ликвидировались (либо трансформировались путем территориально-административных реорганизаций) многочисленные служилые казачьи войска (Азовское, Бугское, Дунайское, Екатеринославское, Кавказское линейное, Черноморское и другие). Начиная с Петра, только государство могло определять, кому быть казаком, открывать и закрывать путь в казачье сословие. 5 октября 1802 г. в "казачье состояние" были обращены ногайцы, "обитавшие в Таврической области на Молочных водах", 13 мая 1805 г. ногайские казачьи полки были упразднены, а сами "ногайские казаки" обращены в земледельческое сословие" [Полное... 1830, т. XXVI, N 20445, т. XXVIII, N 21752]. 14 октября 1855 г. Забайкальское казачье войско было "усилено зачислением в него безсрочно-отпускных (орфография сохранена. - С. М.) нижних чинов и солдатских вдов с семьями" [Полное... 1857, т. XXX, N29714].

18 мая 1858 г. в казаки Амурского казачьего войска зачислены около 2 тыс. "штрафованных нижних чинов бывшего Корпуса внутренней стражи", а 22 мая 1879 г. эти чины были исключены из казачьего сословия [Полное... 1857, т. XXXIII, N 33163]. 3 декабря 1868 г. было упразднено Новороссийское казачье войско, а его "население обращено в гражданское состояние" [Полное... 1857, т. XLIII, N 46506]. Массовое же "оказывание" снизу не просто не приветствовалось, но и жестко пресекалось и подавлялось ("пугачевщина", крестьянское "оказывание" на Украине, так называемая "Киевская казачина" 1855 г.).

В феврале 1917 г. с крахом имперской власти история казаков не закончилась. На обломках бывшей Российской империи возникают казачьи государственные образования. С распадом имперского государства казачество перестало быть служилым сословием, но оказалось разделенным по многим политическим признакам. На мой взгляд, было бы справедливо рассматривать казаков, поддержавших свои собственные государственные образования, как отдельную группу казачества - казаков-граждан (даже принимая во внимание традиционалистские и патриархальные настроения казачьей массы). По справедливому замечанию О. Кондрашенко, "в ходе Гражданской войны, в связи с распадом прежних государственных связей, в казачьих войсках изменилась система внутреннего управления. Ее статус, прежде всего на Дону, "дорос" до локально-государственного уровня" [Кондрашенко, 2001, с. 17]. Для значительной части донцов весьма характерным было следующее мнение: "Россия? Конечно, держава была порядочная, а ныне произошла в низость, ну и пушай... у нас своих делов не мало, собственных... Наш царь - Дон!" [Крюков, 1918, с. 5]. "Сама жизнь, - писал А. Богаевский, - заставила казаков отделить свои края от советской власти и объявить самостоятельными государственными образованиями" [Богаевский, 1927. N 1522]. Деятели антибольшевистского движения видели во временной сецессии и казачьем государственном строительстве залог успешной борьбы с политическими противниками.

Казаков, оказавшихся сторонниками новой революционной власти, лучше всего идентифицировала сама власть, создав такое понятие, как "советское казачество"³. В то же время после революции значительная часть казаков оказалась в эмиграции. Жизнь вдали от Родины, адаптация к новым социально-экономическим, социокультурным реалиям наложила свой отпечаток на казаков-изгнанников (эмигрантов).
Исполь-

³ Постановление ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. снимало с казачества ограничения по службе в РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии): "учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс *советского казачества* (курсив мой. - С. М.) наравне со всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны" (Правда. 1936. 21 апреля).

зование конструкции "казаки-эмигранты" рождает закономерные вопросы: а кем в таком случае являются казаки-некрасовцы или задунайцы, казаки "Оттоманского войска" в Крыму и Турции, казаки-албазинцы в Цинском Китае? Возможно ли объединить в рамках одной группы казаков, покинувших Россию в результате "красной смуты", и тех, кто сделал свой выбор под давлением имперской власти? Такое "объединение" возможно, если принимать во внимание формальные признаки (изгнание, проживание в иноэтничной и иноконфессиональной среде). Если же обратиться к анализу социального статуса казаков, покидавших родину в разные периоды, то очевидно, что некрасовцы или албазинцы могут быть скорее отнесены к категории служилого казачества с той лишь разницей, что они служили не в России или Речи Посполитой, а в Крыму, Порте или Китае.

И "Игнат-казаки", и представители "Оттоманского войска", и албазинцы несли определенные виды службы и в то же время обладали в своих "новых Отечествах" набором прав и даже привилегий, равно как и обязанностей. На вопрос об участии "Игнат-казаков" в военных акциях против России, заданный в 1863 г. казаку-некрасовцу, прозвучал исчерпывающий ответ: "У какого царя живем... тому и служим. Верой и правдой казацкой, по чести, без лжи и измены. За то у нас их хферманы (фирманы. - С. М.) от всех царей и садразамов (великих визирей. - С. М.) есть, и похвалы от всях апашей, на весь свет наше войско прославилось" [Сень, 2002, с. 151]. Их новыми "отечествами" стали общества, построенные по сословному типу и предлагавшие им определенные социальные ниши. Эмигранты же образца 1920 - 1922 гг., покидая родину, попадали в страны с рыночной экономикой (разного уровня и разной степени развития) и должны были вписываться в реалии индустриального общества. Отсюда и последующая эволюция эмигрантских казачьих сообществ (выпадение из актуального политического контекста, расхождение по различным социальным группам, общественная и политическая маргинализация, сохранение функций "хранителей старины глубокой").

С 1989 г. мы стали свидетелями процесса "казачьего возрождения". Очевидно, что советский период существенно изменил облик прежних казачьих социумов, что демонстрируют и социологические исследования. Те, кто идентифицируют себя как казаки, представляют все основные социальные группы российского общества. А потому современное казачье движение было бы более правильно определить как неказачество [Маркедонов, 2001⁶; 2003]. Схожий процесс "казачьего возрождения" (с той лишь разницей, что "возрождать" казачество пришлось после более чем векового "перерыва") наблюдался в 1917 - 1918 гг. на Украине, когда параллельно с созданием нового украинского государства возникает движение Украинского вольного казачества. Возникшее в 1917 - 1918 гг. новое украинское казачество, декларировавшее своей целью именно "возрождение" сошедшего с исторической арены в конце XVIII в. социума, типологически более близко неказачеству [Лободаев, 2000; 2001]. И в украинском "вольном казачестве", и в российском неказачестве постсоветского периода действуют одни и те же побудительные мотивы - возвращение к некоему "Золотому веку" в новых условиях и возрождение некогда прерванной традиции. Использование понятия "неказачество" представляется правомерным по нескольким причинам:

- между "историческим" казачеством и движением за его "возрождение" прошел период в одном случае семидесятилетнего, в другом после более чем столетнего "перерыва";
- казачество как интегрированный социум (паттерн для "возрождения") прекратил свое существование на территории Украины в конце XVIII в., а в России в 1920 г. после ликвидации казачьего сословия и казачьих войсковых структур и территориальных образований;
- "историческое" казачество претерпело значительные изменения, утратив свои имманентные социальные, экономические, политические, военно-полицейские функции;
- исходный социум оказался "разбросанным" по различным социальным группам;
- основой для идентификации потомков казаков как представителей казачества осталась "мобилизованная память".

Миф о казачестве

Отдельного разговора заслуживает "казачество" как литературно-публицистический образ и миф. Миф, живущий по своим внутренним законам, по большей части мало соответствующий жизненным реалиям, но оказывающий на них ощутимое воздействие. Рассмотрение казачьего мифа и литературного образа казака - тема самостоятельной исследовательской работы. Полезно лишь зафиксировать тот факт, что казачий миф зачастую играл определяющую роль в судьбах реального казачества. Сконструированный интеллект публициста и мастерством писателя образ не просто жил своей жизнью, но и оказывался "живее всех живых" казаков (и "вольных", и "служилых"), и, в конечном счете, творил историю, влиял и на профессиональную историографию (особенно в советский период). Разве образ "казака - социального революционера" складывался у русских революционных демократов от Герцена до народолюбцев на основе профессиональных исторических исследований? Разве образ "казака-нагаечника", усвоенный российской социал-демократией, и прежде всего большевиками, формировался на основе архивных поисков и работы с неопубликованными источниками? Очевидно, что вера и в особую казачью "революционность", и в имманентный консерватизм и реакционность защитников романовского трона базировалась не на знакомстве с казачьей историей, а на сконструированных в художественной литературе и политических памфлетах образах. Между тем вполне реальная большевистская политика расказачивания в годы гражданской войны и после нее была во многом детерминирована успешным усвоением "нагаечного мифа" и его гиперболизацией (см. подробнее [Маркедонов, 2001^a; Kornblatt, 1992; Sysyn, 1991]). На мой взгляд, справедливо замечание Старикова о том, что представители русской радикальной интеллигенции до 1917 г. "в большинстве случаев казаков представляли как людей лишь сидящих на коне... После 1905 г. к этой картинке прибавилась нагайка. Вот и все, что знали о казаках" [ГА РФ, д. 45, л. 3]. Отсюда и проявленная в решении "казачьего вопроса" революционная нетерпимость и бескомпромиссность.

Казачий миф во многом определяет и отношение к неказачьему движению и казачеству вообще в США и европейских странах. По словам Боука, "для многих на Западе понятие "казак" все еще вызывает в воображении образы Тараса Бульбы, жестоких азиатских орд и рассыпанных по степи всадников в экзотической одежде, творящих хаос" [Воеск, 1998, р. 633]. Тем самым серьезные социально-политические и социокультурные последствия процесса "казачьего возрождения" остаются вне поля зрения американских и европейских публицистов и аналитиков, для работ которых весьма характерны поверхностные сентенции вроде следующей: "Кзаки приходят прямо из кошмаров XIX в. Эти грозные всадники снова вырастают в русских степях..." [New... 1993, р. 73].

Таким образом, можно констатировать существование отдельного типа "казачества" - мифологизированного образа казака, менявшегося на протяжении веков, существовавшего по своим законам, не зависящим от реальности, но вторгавшимся в эту реальность и изменявшим ее.

* * *

Казачество не было раз и навсегда данным феноменом. Казаки не являются ни исключительно консерваторами-государственниками, ни разрушителями государства. По словам Боука, "казак был зачастую одновременно другом и врагом России, защитником украинского дела и лояльным подданным султана Османской Порты. Он - поскольку история казачьих сообществ часто исключает женщин - был и искренне православным и поликонфессиональным..." [Воеск, 2003, р. 735 - 736]. Казачество несводимо к общим формулам типа "субэтнос" или "сословие". И в том и в другом случае нужны оговорки, какую группу казачества и какой период в его истории мы берем за доказательство своих идей. Отсюда и сложности с идентификацией самых главных для казачеведения понятий "казак" и "казачество". На сегодняшний день они представляют собой определения, включающие несколько смысловых уровней.

Казачество было сложным и многоплановым социально-политическим и социокультурным феноменом восточноевропейской (евразийской) истории. Оно существовало в форме групп, различных по целям, задачам, идеологическим установкам, в различных исторических и географических условиях. На мой взгляд, правомерно говорить о существовании служилого, "вольного", советского казачества, казаков-граждан, эмигрантов и неказачества. Отдельного рассмотрения заслуживает и мифологизированный образ казака (будь то "нагаечник" или "социальный революционер"). Очевидно, что работа по уточнению самого понятия "казачество", а также по типологизации казачьих сообществ еще только начинается. Но очевидно и другое. Без достижения консенсуса о терминах, без четкого понимания, о каком из казачьих сообществ ведется разговор в каждом конкретном случае, мы не приблизимся к адекватному пониманию изучаемого феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов Ю. Г., Воронов А. А.* Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. N 3.
Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. Новочеркасск, 1891.
Богаевский А. П. Казачество и самостийность // Возрождение. 1927.
Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории казачества // Социальная организация и обычное право. Материалы научной конференции. Краснодар, 2001.
Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
Беликая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-н/Д., 2001.
Витевский В. Н. Раскол в Уральском казачьем войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII в. и в XIX в. Казань, 1878.
Военная энциклопедия. В 18 т. СПб., 1912. Т. IX.
Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия 8. 1986. N 4.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6473, оп. 1.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1989.
Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов-н/Д., 1992.
Казачий вестник. 1941^а. N 1. 22 августа.
Казачий вестник. 1941^б. N 3. 1 ноября.
Каттелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI-XVIII веках // Ab imperio. 2003. N 1.
Кондратенко О. В. Войско Донское и процессы возрождения российской государственности на Юге России в период гражданской войны (1917 - начало 1920 г.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
Концепция единой государственной политики по возрождению и развитию российского казачества. Рабочий проект. Ростов-н/Д., 15.10.1997.
Королев В. Н. Босфорская война. Ростов-н/Д., 2002.
Краснов П. Н. Картины былого Тихого Дона. В 2 т. Т. 2. М., 1992.
Крюков Ф. Д. Войсковой круг и Россия // Донская волна. 1918. N 16.
Лесин В. И. Бунтари и воины. Ростов-н/Д., 1997.
Лободаев В. М. Спроба відродження козацтва за часів правління гетьмана П. Скоропадського // Український консерватизм і гетьманський рух: історія, ідеологія, політика. Київ, 2000.
Лободаев В. М. Українське Вільне козацтво (1917 - 1918 рр.). Автореф. дисс. канд. іст. наук. Київ, 2001.
Маркедонов С. М. Донское казачество и Российская империя (История политических отношений) // Общественные науки и современность. 1998. N 1.
Маркедонов С. М. Донское казачество. Феномен межцивилизационного диалога // Общественные науки и современность. 1997. N 2.
Маркедонов С. М. Казачество в общественно-политических исканиях русской радикальной интеллигенции // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Краснодар, 1999.
Маркедонов С. М. Неказачество на Юге России: идеология, ценности, политическая практика // Центральная Азия и Кавказ. 2003. N 5.
Маркедонов С. М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников "Вольноказачьего движения") // Ab imperio. 2001^а. N 3.

- Маркедонов С. М.* Феномен российского неказачества // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001.
- Матвеев О. В.* Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995.
- Материалы Совещания руководителей субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают казаки (26 октября 1995 года). М., 1995.
- Обзор Кубанской области. По поручению Наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанта Бабыча. Екатеринодар, 1911.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 12. Область Войска Донского. СПб., 1905.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899.
- Полное собрание Законов Российской империи. В 45 т. Изд. 1-е. СПб., 1830.
- Полное собрание Законов Российской империи. В 55 т. Изд. 2-е. СПб., 1857.
- Пригарин А. А.* К истории "Оттоманского казачьего войска" // Казачество России: история и современность. Краснодар, 2002.
- Проништейн А. П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961.
- Пугачевщина. Сборник документов. М. -Л., 1929.
- Пудавов В. М.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890.
- Рознер И. Г.* Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI-XVII вв. // Вопросы истории. 1970. N 8.
- Сватиков С. Г.* Вольные и служилые казацки войска // Путь казачества. 1927. N 20 - 21 (113 - 114).
- Севский В. (Краснушкин В. А.)* Эпоха А. М. Каледина // Донская волна. 1918. N 3.
- Сень Д. В.* "Войско Кубанское Игнатово Кавказское": исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. - конец 1920-х гг.). Краснодар, 2001.
- Сень Д. В.* "Войско Кубанское Игнатово Кавказское": исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. - конец 1920-х гг.). Изд. 2-е. Краснодар, 2002.
- Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. "Смута". М., 1988.
- Смирнов И. В.* Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. N 8.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. 1. М., 1959.
- Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990.
- Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 г. М., 1992.
- Трут В. П.* Явление казачества в истории и культуре России // Дикаревские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999.
- Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.
- Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону. Вып. 1. М., 1885.
- Хорошихин М. П.* Казацки войска: опыт военно-статистического описания. СПб., 1881.
- Хохлов Г. Т.* Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство" // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXVIII. Вып. 1. СПб., 1903.
- Черницын С. В.* Этнокультурные процессы на Дону и образование казачества (XVII-XVIII вв.) // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. Сборник статей. Ростов-н/Д., 1999.
- Voeck B.* The Kuban' Cossack Revival (1989 - 1993). The Beginning of a Cossack National Movement in the North Caucasus Region // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. N 4.
- Voeck B.* Reviews // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Summer 2003.
- Goehrke C.* Die Russischen Kosaken im Wandel des Geschichtsbildes // Schweizerische Zeitschrift fur Geschichte. 1980. Bd. 30.
- Hobsbawm E.J.* Bandits. New York, 1981.
- Hobsbawm E.J.* Social Banditry // Rural Protest: Peasant Movements and Social Change. 1974.
- Kornblatt J.D.* The Cossack Hero in Russian Literature: A Study in Cultural Mythology. Madison (Wise), 1992. New York Times Magazine. October 31, 1993.
- O'Rourke Sh.* Warriors and Peasants: The Don Cossacks in Late Imperial Russia. New York-Oxford, 2000.
- Stokl G.* Die Entstehung des Kosakentums. Munchen, 1953.
- Sysyn F.* The Reemergence the Ukrainian Nation and Cossack Mythology / Social Research. Winter 1991. Vol. 58. N4.